

Ж. В. Бурцева

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РУССКО-ЯКУТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ:
ТВОРЧЕСТВО А. К. МИХАЙЛОВА**

*Работа представлена кафедрой якутской литературы
Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор П. В. Сивцева*

Статья посвящена актуальной проблеме пограничной литературы, возникшей в результате взаимодействия двух или более литератур. Русскоязычная литература Якутии представляет собой

своеобразный художественный «сплав», отражает факт не только активного взаимодействия литератур, но и свидетельствует о качественно новом образовании, т. е. о результате слияния этих литератур.

This article is devoted to an urgent problem of border literature, appeared as a result of two or more cultures. Russian language literature of Yakutia represent a peculiar «allow», it reflects not only fact of active interaction of two non-related genetically literatures, it also shows a quite new formation, i.e. a result of amalgamation of these literatures.

Поколение отечественных поэтов, к которому принадлежит якутский русскоязычный поэт **Алексей Константинович Михайлов** (1946–1994), вошло в литературу во время «оттепели» 1960-х гг. «Поэзия А. Михайлова начинает новое стилевое течение в литературах народов Якутии в том современном логическом ключе, что можно определить стремлением к диалогу культур»¹. Творчество поэта оценивается как воплощение «таинства» соединения двух языков, двух поэтических традиций. Он «как никто другой из его современников сумел сохранить в художественном слове свою национальную сущность»². А. Михайлов выразил в своем творчестве этнопсихологические, фольклорно-этнографические, эмоционально-выразительные, нравственно-мировоззренческие черты якутского народа, поэтому в целостном видении мира в первую очередь он остается якутским поэтом.

А. Михайлов часто обращается к поэтике якутского народного стихосложения, к форме и ритму якутских народных песен, обрядовой поэзии, фольклорным образам. Его творчество сформировалось в синтезе национальных фольклорных представлений и опыта русской классической поэзии. Важным свойством творческой позиции А. Михайлова является именно культурная амбивалентность, позволяющая совмещать факты духовной и материальной культуры двух народов, их нравов, обычаев, мировоззрения и образа жизни. Положение на границе культур выразилось в функциональном взаимообмене культурными ценностями, динамическом переплетении элементов двух национальных культур, тен-

денцией к их сближению. Объективное следствие этого – возможность выступать как от имени одной, так и другой культуры, что является наиболее плодотворным для литературного творчества.

Поэтически красноречиво предстают в творчестве А. Михайлова два «контрастных» языка «как белый конь и черный конь в одной упряжке». Эта «упряжка» не может не влиять на модель мышления и восприятия первичной и вторичной языковой и культурной картины мира. Автор одновременно является «переводчиком» культурных кодов родной культуры на язык другой. Одна из первых книг поэта «*Стая белых журавлей*» (1976) гостеприимно открывается приглашением: «Приходите, я Вас жду...». В первом стихотворении «*В небе спелая звезда*» продуктивным средством художественного выражения национального самосознания является идиллическая зарисовка родного деревенского домика, хотя автор, как известно, родился в городе Якутске. Показателен выбор поэтом определенных языковых единиц (сэргэ, хомус, олонхо), актуализирующих такие важные для якутской языковой картины мира смыслы, как вековые ценности национальной духовной культуры. С одной стороны, стихотворение представляет собой «частную систему» образно-стилистических средств русского общенационального языка, с другой стороны – из-за транскультурных элементов в художественном тексте возникает собственная «кодовая система» (Ю. М. Лотман), которую читатель должен дешифровать, чтобы понять символические смыслы, связанные с народной культурой. «Воссозданная» жизненная картинка выявляет ми-

фопоэтический подтекст, имеющий и временное измерение, связывающий прошлое и настоящее. Фольклорная эстетика образа родного дома – это, по существу, микро-модель мира, воплощающая нравственно-мировоззренческие истоки этнической культуры, этнопсихологические представления народа.

Взаимодействие двух не родственных языков и культур проявляется в многочисленных примерах гибридизации русской языковой картины мира путем внедрения фольклорно-этнографического контекста, архаической символики. Так, в стихотворении «Сенокос» лирический герой признается, что даже в душе городского жителя живет «крестьянское древнее ремесло». Характер образных средств, метафор и сравнений, мотивируется особенностями изображаемого в поэтическом тексте сенокоса. Если бы в авторской модели восприятия сенокоса не включился элемент диглоссии (якутское слово «алас», которое в тексте разъясняется как «поляна»), то ассоциативно-художественный образ сенокоса мог бы сближаться с описанием сенокоса, например, в средней полосе России русским поэтом. Взаимодействие этих образных средств, с одной стороны, создает яркую картину лета и сенокоса, с другой – развивает тему национального своеобразия сенокоса, поскольку в результате визуализации слова «алас» возникает обобщенный образ именно якутского аласа, не просто «поляны». В транскультурной литературе языковые средства выполняют еще более усиленную функцию образного «приращения смысла». В стихотворении «*Бывает, вечером из леса...*» лирический герой раскрывает эмоционально-психологическое восприятие якутского аласа, в котором преобладает не этнографические подробности, а ретроспекция в прошлое. Традиционный образ «аласа» приобретает глубокий нравственно-философский смысл, потому что служит в поэтическом тексте сред-

ством пробуждения внутренней сущности лирического героя. Особая сила эмоционально-художественного воздействия философских размышлений героя достигается именно на фоне изображения родного «аласа», потому что его образ создает прямую аллюзию с историческим прошлым народа. Поэзия А. Михайлова содержит множество аллюзий и реминисценций, связанных с образами русской литературы и якутского народного творчества, устанавливающих интертекстуальные переключки. Так например, в стихотворении «*Истина*» объединяются образы, восходящие к разным источникам и обладающие разной стилистической окраской. Сочетание цитаты из творчества В. Баратынского и образа мудрого старика Сэмэкэ из якутской сказки, обуславливает стилистическую разноплановость, полифонию и смысловое обогащение всего текста. Этот неожиданный «лабиринт сцеплений» (Л. Н. Толстой) сближает два историко-культурных контекста, что дает читателю возможность разнообразно интерпретировать возникающие образные параллели.

Таких писателей, как А. Михайлов, Ф. Искандер, Ч. Айтматов, О. Сулейменов, А. Ким и др. трудно прикрепить к одной этнокультурной традиции. Во всем мире есть писатели, использующие в качестве средства творческого самовыражения не родной язык. Проблема языкового выбора обсуждается в контексте разных мировых литератур. Так, поэтический мир А. Михайлова, как уже было замечено, продолжает традиции не только национальной, но и русской классической литературы. Важно то, что выбор языка не равен для поэта выбору национальной идентичности. Если судить по происхождению, то А. Михайлов – якутский поэт, по языку – русский, по гражданству – еще советский. Этническая принадлежность, письмо на русском языке, выявление преобладающих влияний якутской или русской художе-

ственно-эстетических систем не являются знаками приверженности к литературной традиции. Русскоязычная литература Якутии складывалась и существует в уникальном положении между разными культурами, в ситуации постоянной переходности, необходимости свести их элементы в системную целостность. В связи с этим усложняется круг дискуссионных вопросов, связанных с определением ее статуса, т. е. принадлежности к какой-либо одной из художественных традиций. Бинарная логика включения или исключения из национального канона приводит к неразрешимой проблеме. Если принадлежность к той или иной национальной художественной традиции, как правило, связывается с выбором языка, то русскоязычная литература Якутии прикрепляется к традициям русской словесности и рассматривается как органическая часть русской литературы XX в. Однако русскоязычная литература обладает множеством специфических особенностей, обусловленных культурным взаимодействием, которые не позволяют однозначно определять ее как русскую литературу. Логика исключения приводит к противоположному мнению, что русскоязычная литература Якутии, благодаря национальной ментальности ее представителей, относится к якутской художественной системе. Интерпретировать ее художественно-

эстетические особенности лишь в рамках национальных границ и традиций также представляется не совсем объективным. Вопрос по принципу «наш» тот или иной автор или «не наш» в отношении творчества писателей через дефис, якутско-русских, остается для многих открытым. Суть этих спорных вопросов в совокупности определяет главную проблему необходимости создания нового критического языка, теоретико-методологических понятий и терминов.

По мнению М. В. Глостановой, модель транскультурной литературы объективно близка и внутренне присуща российскому поликультурному пространству, но, к сожалению, «она не получила сколько-нибудь законченного эстетического и эпистемологического осмысления ни в области литературы и искусства, ни, по большому счету, в области гуманитарных наук»³. Как правило, творческие активы литературного «пограничья» либо выводятся за грани, на уровень маргинального явления, либо определяются в разные национальные традиции, теряя в обоих случаях свою специфику. Бесспорно то, что уникальное положение на «границе» культур расширяет творческие возможности национального писателя, приводит к открытию новых художественно-эстетических тенденций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сивцева П. В. О поэтическом стиле А. К. Михайлова // Полярная звезда. 2006. № 5. С. 39.

² Сивцева П. В., Романова Л. Н. Русская литература Якутии XX века // Литература Якутии XX века: Историко-литературные очерки. Якутск, 2005. С. 543.

³ Глостанова М. В. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. М., УРСС, 2004. С. 309.